

JEL: D14, O11, O15
УДК 331+338

DOI: [10.14530/se.2019.2.150-168](https://doi.org/10.14530/se.2019.2.150-168)

Модели российского экономического роста: тенденции личного потребления

**Л.М. Григорьев, В.А. Павлюшина,
В.В. Бриллиантова, Н.М. Кулаева**

Григорьев Леонид Маркович
кандидат экономических наук
ординарный профессор, научный руководитель
Департамент мировой экономики НИУ ВШЭ, ул. Малая Ордынка, 17, Москва, Россия, 119017
E-mail: lgrigor1@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-3891-7060

Павлюшина Виктория Александровна
аспирант, стажер-исследователь
Банковский институт НИУ ВШЭ, Малый Гнездииковский пер., 4, Москва, Россия, 125009
заместитель начальника управления макроэкономических исследований
Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, пр-т Академика Сахарова, 12, Москва, Россия, 107078
E-mail: pa_victoria@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7125-6287

Бриллиантова Влада Владимировна
консультант
PEMANDU Associates, Москва, Россия
E-mail: vladibri94@gmail.com
ORCID: 0000-0002-9818-7373

Кулаева Несипли Мавлит-Алиевна
магистр экономического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, стр. 46, Москва, Россия, 119991
советник Управления макроэкономических исследований
Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации, пр-т Академика Сахарова, 12, Москва, Россия, 107078
E-mail: nesipli.kulaeva@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7229-4963

Аннотация. Одним из важнейших факторов новейшего кризиса российской экономики, пик которого пришелся на 2015–2016 гг., явилось падение реальных доходов населения и последовавший в результате этого обвал потребительского спроса домохозяйств. Ситуация на потребительском рынке начала меняться в 2017 г., несмотря на

стагнацию и даже продолжающееся снижение доходов населения. В данном обзоре показано, что в течение 2018 г. тенденции повышения потребительского спроса, проявляющиеся, в частности, в позитивной динамике сектора розничной торговли, укрепились как в терминах темпов роста, так и с точки зрения восстановления структуры розничного товарооборота и потребительского спроса в целом. Об этом свидетельствует прогрессирующее увеличение доли непродовольственных товаров в общем розничном товарообороте. Показано также, что тенденция восстановления потребительского спроса и розничного товарооборота до настоящего времени неустойчива и подвержена воздействию макроэкономических и институциональных шоков. Это подтверждается негативной реакцией со стороны потребительского спроса на негативно расцененные домохозяйствами перспективы дальнейшего снижения реальных доходов в результате пенсионной и налоговой реформ в середине 2018 г. Приведенные данные об изменении ситуации в области потребительского спроса во втором полугодии 2018 г. свидетельствуют об отсутствии до настоящего времени фундаментальных причин, которые могли бы гарантировать необратимость изменения потребительской модели поведения домохозяйств и, следовательно, восстановление модели экономического роста, базирующейся на генерировании внутреннего потребительского спроса. Основной проблемой, конечно, остается стагнация реальных доходов населения.

Ключевые слова: личное потребление, домохозяйства, реальные доходы, розничный товарооборот, товары длительного пользования, продовольственные товары, товарные группы, темпы роста

Для цитирования: Григорьев Л.М., Павлюшина В.А., Бриллиантова В.В., Кулаева Н.М. Модели российского экономического роста: тенденции личного потребления // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 2. С. 150–168. DOI: [10.14530/se.2019.2.150-168](https://doi.org/10.14530/se.2019.2.150-168).

Models of Russian Economic Growth: Personal Consumption Trends

**L.M. Grigoryev, V.A. Pavlyushina,
V.V. Brilliantova, N.M. Kulaeva**

Leonid Markovich Grigoryev

Candidate of Economics

Tenured Professor, Scientific Adviser

Department of World Economy, HSE, 17 Malaya Ordynka St., Moscow, Russia, 119017

E-mail: lgrigor1@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-3891-7060

Pavlyushina Victoria Alexandrovna

Post-graduate, Intern-Researcher

The Banking Institute of the Higher School of Economics, 4 Maly Gnezdnikovsky per., Moscow, Russia, 125009

Deputy Head of the Department for Research Studies

The Analytical Centre for the Government of Russian Federation, 12 Prospect Akademika Sakharova, Moscow, Russia, 107078

E-mail: pa_victoria@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7125-6287

Vlada Vladimirovna Brilliantova
Junior Consultant
PEMANDU Associates, Moscow, Russia
E-mail: vladibri94@gmail.com
ORCID: 0000-0002-9818-7373

Nesipli Mavlit-Alievna Kulaeva
Master of Economics
Lomonosov Moscow State University, Leninskie Gory, 1-46, Moscow, Russia, 119991
Advisor of the Department of Macroeconomic Research
The Analytical Centre for the Government of Russian Federation, 12 Prospect Akademika
Sakharova, Moscow, Russia, 107078
E-mail: nesipli.kulaeva@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7229-4963

Abstract. One of the most significant factors of the newest Russian economy crisis, which escalated in 2015–2016, was the decrease of real income and the following reduction of consumer demand of households. The situation on the consumers' market started to change in 2017 despite the stagnation and the continuing decrease of population income. This paper shows that during 2018 the trends of increase in consumer demand, showing up as part of positive dynamics in retail, have consolidated both in terms of growth rate and in their role in restoration of retail and consumer demand structures. This is proven by progressive increase of the non-food goods share in total retail turnover. It is also shown that the trend of restoration of consumer demand and retail turnover up until now has been unstable and influenced by macroeconomic and institutional shocks. This is confirmed by the negative reaction from the consumer demand on pessimistic prospects of further decrease of real income as a result of pension and tax reforms of mid-2018. The data on changing situation in consumer demand in the second half of 2018 shows no fundamental reasons, which could have guaranteed the irreversibility of changes of consumer model of household behavior and as such the restoration of economic growth model based on generation of internal consumer demand. The stagnation of real population income remains the main issue.

Keywords: personal consumption, households, real income, retail turnover, durable goods, food, goods groups, growth rates

For citation: Grigoryev L.M., Pavlyushina V.A., Brilliantova V.V., Kulaeva N.M. Models of Russian Economic Growth: Personal Consumption Trends. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, 2019, vol. 15. no. 2, pp. 150–168. DOI: [10.14530/se.2019.2.150-168](https://doi.org/10.14530/se.2019.2.150-168). (In Russian).

Объективный, но вынужденный внешними обстоятельствами переход экономики России к новой модели экономического роста, характеризующей устойчивой тенденцией к снижению реальных располагаемых доходов населения, превращает вопрос об адаптации потребительского поведения к этой тенденции в один из центральных пунктов самого экономического роста. Рост не может базироваться на рецессии потребительского спроса, с одной стороны, но без модификации потребительской стратегии домашних хозяйств к стагнации и даже снижению реальных доходов выход из потребительской рецессии, с другой стороны, невозможен.

В данном обзоре показано, что по данным за 2018 г. можно говорить об изменении тенденции реального потребительского спроса. Об этом свидетельствует рост розничных продаж, особенно непродовольственных товаров и, в наибольшей степени, товаров длительного пользования (мобильных телефонов, компьютеров, телевизоров) и легковых автомобилей. Оживление этого сегмента розничных продаж в значительной степени объясняется, вероятно, по-прежнему высокими инфляционными ожиданиями и ростом доступности потребительского кредитования, которое в некоторой степени компенсирует снижение реальных доходов населения. Однако следует отметить и позитивную динамику реальной заработной платы, явившуюся благоприятным фоном, укрепившим доверие потребителей к устойчивости макроэкономической ситуации в целом. Это привело к тому, что в первой половине 2018 г. потребительская уверенность достигла предкризисного уровня. Тенденция роста розничных продаж была поддержана и слабым, но устойчивым восстановлением рынка общественного питания, наблюдающимся на протяжении последних двух лет (Российская..., 2019).

Возможности превращения наблюдавшейся в 2018 г. поддержки роста экономики страны оживлением на потребительских рынках в стабильный фактор реализации модели экономического роста, основанной на повышении качества регулирования фондами личных доходов, будут определяться динамикой доходов основной массы населения с учетом структуры неравенства и улучшения потребительских настроений домашних хозяйств.

ЛИЧНОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ В РОССИИ: 2018 г.

Оставляя в стороне вопрос о «переоценке» Росстатом темпов динамики российской экономики в 2018 г., обратим внимание на устойчиво положительный рост основного компонента ВВП – расходов на конечное потребление домашних хозяйств. Эти расходы после серьезного падения в 2015–2016 гг. (на 11% по сравнению с 2014 г.) увеличились за 2017–2018 гг. почти на 5,5% по сравнению с 2016 г., что в значительной степени и определило переход экономики России в область положительных темпов роста, который составил 104,2% за 2016–2017 гг. по отношению к 2015 г. (табл. 1). При этом следует отметить, что увеличение расходов домохозяйств происходило на фоне негативной динамики реальных располагаемых доходов населения, которые снизились за 2017–2018 гг. на 1,5% (если не учитывать единовременную выплату пенсионерам в январе 2017 г.) или на 1% при учете этой денежной выплаты. Это свидетельствует либо о реальном повышении уровня доверия домохозяйств к макроэкономическим сигналам, либо о переходе от потребительской стратегии «отложенного спроса» к стратегии «долго-

вого финансирования», что, впрочем, также должно свидетельствовать о положительных ожиданиях домохозяйств относительно будущей динамики доходов.

Динамика розничных продаж товаров в годовом выражении, %

Таблица 1

Table 1

Dynamics of retail sales of goods in annual terms, %

Показатель		2013	2014	2015	2016	2017	2018
Розничные продажи товаров							
Всего, в т. ч.:	номинальные	10,7	11,3	4,4	2,8	5,3	5,8
	реальные	3,9	2,7	-10,0	-4,6	1,3	2,6
продовольственных	номинальные	11,9	11,1	8,3	2,5	5,0	4,0
	реальные	2,6	0,0	-9,0	-5,0	1,1	1,7
непродовольственных	номинальные	9,7	11,4	1,0	3,2	5,6	7,5
	реальные	4,9	5,1	-10,9	-4,2	1,5	3,4
Справочно							
Доходы населения	номинальные	11,7	7,1	10,6	0,9	1,8*	4,3*
	реальные располагаемые	4,0	-0,7	-3,2	-5,8	-1,6*	0,1*
Заработная плата	номинальная	11,9	9,1	5,1	7,9	6,7	9,9
	реальная	4,8	1,2	-9,0	0,8	2,9	6,8
Индекс потребительских цен	декабрь к декабрю	6,5	11,4	12,9	5,4	2,5	4,3
	в среднем за январь – декабрь	6,8	7,8	15,5	7,1	3,7	2,9
ВВП, в т. ч.:	номинальный	7,3	8,3	-0,3	3,5	7,1	12,5
	реальный	1,8	0,7	-2,5	0,3	1,6	2,3
расходы домохозяйств	номинальный объем	11,5	9,2	3,2	4,8	6,1	5,4
	реальный объем	5,2	2,0	-9,4	-1,9	3,2	2,2
Платные услуги населению	номинальные	14,8	7,8	7,8	7,3	6,7	2,2
	реальные	2,0	1,0	-1,1	0,7	1,4	2,5

Примечание. * Без учета единовременной денежной выплаты пенсионерам в январе 2017 г. С учетом выплаты реальные располагаемые доходы населения снизились на 1,2% в 2017 г. и на 0,3% в 2018 г.

Источник: здесь и далее, если не указано иное, официальные данные ФСГС.

Рост объемов розничной торговли, которые увеличились на 1,3% в 2017 г. и на 2,6% в 2018 г. при опережающем росте оборота торговли непродовольственными товарами, также связан с увеличением реальных расходов на конечное потребление домохозяйств, 60% которых направляется на приобретение товаров.

Главным вопросом все-таки остается устойчивость потребительского поведения, готовность домохозяйств поддерживать высокую (сравнительно) потребительскую активность несмотря на снижение реальных располагаемых денежных доходов, и, соответственно, сохранение в перспективе тренда на снижение реальных располагаемых денежных доходов, которое наблюдается вот уже пятый год подряд (Динамика доходов..., 2019) (рис. 1).

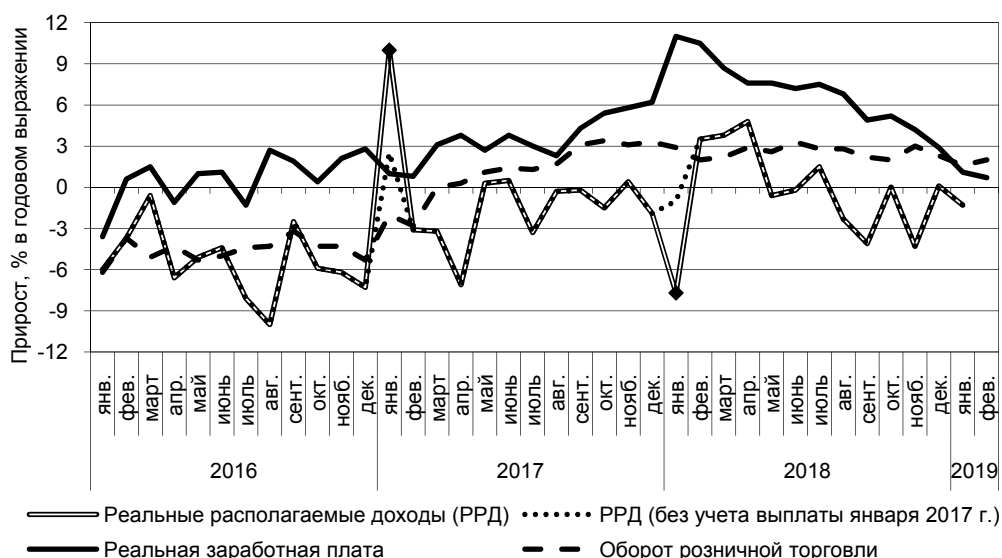

Рис. 1. Реальные располагаемые доходы населения, реальная заработная плата и оборот розничной торговли

Fig. 1. Real disposable personal incomes, real wages and retail trade turnover

Положительная динамика потребительской активности населения проявилась в 2017 г., когда рост реальной заработной платы составил 102,9% по сравнению с 2016 г. Это было воспринято домохозяйствами как сигнал о возможном переломе тенденции и в области совокупных реальных доходов в целом. Этот сигнал воплотился в активизацию расходов на покупки в розничных сетях начиная с апреля – мая 2017 г. Во второй половине 2017 г. быстрый прирост заработной платы убедил домохозяйства в реальности положительных ожиданий и поддержал среднемесячный рост объемов розничного оборота на уровне 103%. Можно было ожидать, что одномоментное повышение заработной платы в январе – феврале 2018 г. почти на 11% окончательно развернет тренд розничных продаж в сторону прогрессирующего роста. Средний темп роста зарплаты в 2018 г. оказался действительно существенно выше темпа 2017 г. (106,8%), однако снижение темпов прироста реальной заработной платы с марта 2018 г. на фоне ускорения потребительской инфляции, особенно во второй половине 2018 г., поколебало уверенность потребителей, что привело к ограничению роста платежеспособного спроса на товары и услуги, и, как следствие, темп роста объемов розничной торговли оказался замороженным на уровне второй половины 2017 г.

В целом общая ситуация 2017–2018 гг. существенно отличается от ситуации 2016 г., когда разрыв между темпами роста заработной платы и оборота розничной торговли (особенно продовольственными товарами) по ам-

плитуде превосходил даже уровень кризисного периода 2008–2009 гг. Это и дает основание предполагать возможность изменения типа потребительского поведения, что непосредственно связано с общей трансформацией модели экономического роста.

Одним из важных индикаторов трансформации потребительского поведения населения является склонность к сбережениям. Как правило, в кризисные периоды (в том числе в 2016 г.) большее падение потребительских расходов по сравнению с доходами приводит к увеличению сбережений населения. А в 2018 г. доля сберегаемых доходов населения снизилась до минимального значения за последние десять лет. Это свидетельствует о переходе населения от «защитной» (сберегательной) модели (Особенности..., 2019) поведения к «затратной» модели, когда наращиваются расходы на потребление даже в условиях сокращения реальных располагаемых денежных доходов при покрытии дефицита текущих бюджетов домохозяйств за счет сбережений и кредитов. Это может рассматриваться как свидетельство перехода экономики в стадию оживления.

Начиная с 2016 г. доля сберегаемых доходов населения устойчиво снижается (с 14,3% в 2015 г. до 11,1% в 2016 г. и 8,1% в 2017 г.), достигнув минимального значения за последние 10 лет в 5,5% в 2018 г. (рис. 2). Это связано как раз с увеличением доли располагаемых доходов, направляемых на потребление, а также с увеличением объемов потребительского кредитования. В 2018 г. объем кредитов, выданных физическим лицам, увеличился на 22,8% по сравнению с ростом на 13,2% в 2017 г., что обусловлено увеличением объема ипотечных кредитов и необеспеченных потребительских ссуд, а также снижением процентных ставок (О развитии..., 2018). Это, конечно, в значительной степени способствовало положительной динамике потребительской активности населения.

Вместе с тем существуют не очевидные, но достаточно хорошо просматриваемые угрозы, связанные с потребительским поведением населения (Григорьев, Салмина, 2011). Главным образом имеется в виду степень устойчивости потребительской уверенности населения. С одной стороны, потребительская уверенность россиян характеризуется уверенным ростом. Начиная с 2016 г. в течение девяти кварталов подряд индекс потребительской уверенности (ИПУ) увеличивался, и основной вклад в этот рост внесли компоненты, характеризующие произошедшие изменения экономической ситуации в России на краткосрочную перспективу и благоприятность условий для совершения крупных покупок. Во второй половине 2017 г. ИПУ вышел на предкризисный уровень конца 2013-го – начала 2014 г., причем все пять частных индексов достигли максимума с начала резкого ухудшения ситуации в конце 2014 г.

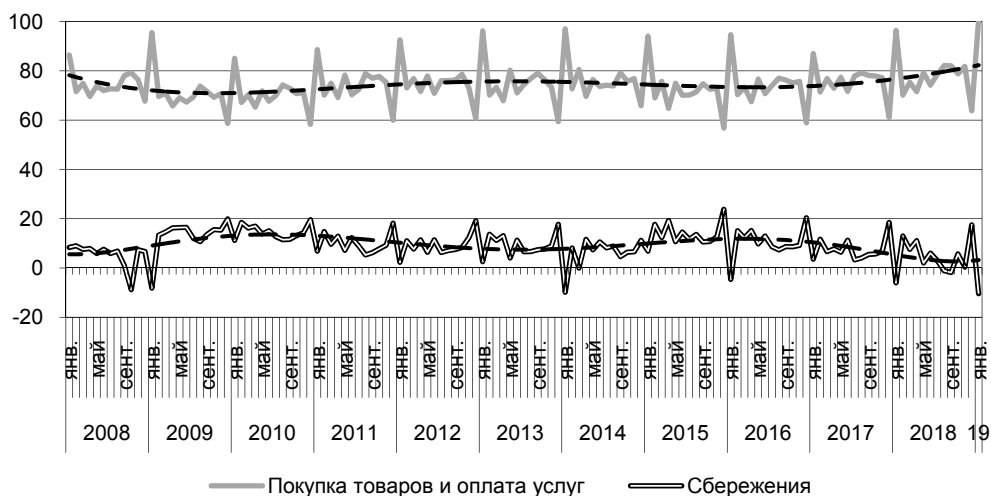

Рис. 2. Динамика доли потребляемых и сберегаемых доходов, %
Fig. 2. Dynamics of the share of consumed and saved incomes, %

К середине 2018 г. ИПУ достиг максимального значения, которое вплотную приблизилось к показателю середины 2014 г. (рис. 3), хотя по-прежнему существенно отставал от показателей 2007–2008 гг., когда единственный раз за всю историю наблюдений (с 1998 г.) значения этого индекса превышали нулевую отметку. Но уже во второй половине 2018 г. начался спад: значение индекса снизилось до –14 и –17% в III и IV кварталах соответственно. К концу 2018 г. значение ИПУ снизилось до уровня второго полугодия 2016 г.

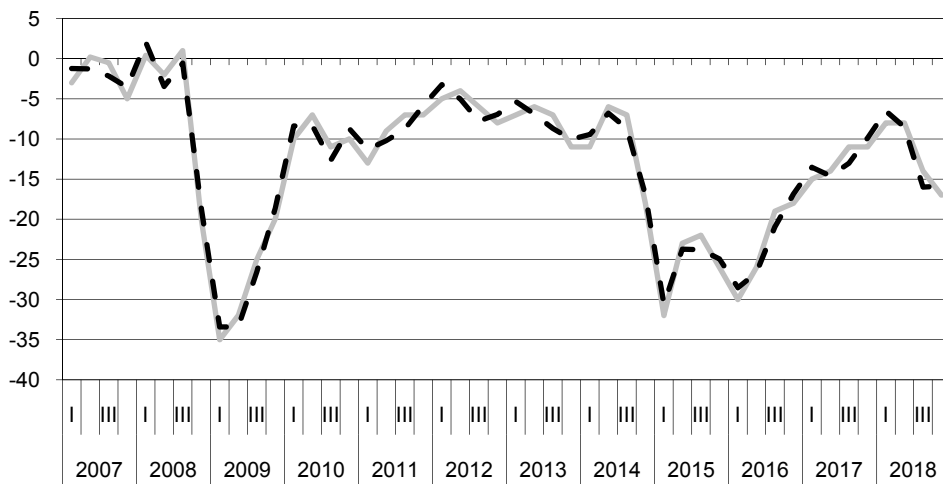

Рис. 3. Индекс потребительской уверенности, %
Fig. 3. Consumer confidence index, %

Примечание: пунктирная линия – значения при сглаженных сезонных колебаниях.

Наибольшее влияние на ухудшение потребительской уверенности россиян оказало ухудшение субъективного мнения населения относительно произошедших и ожидаемых изменений в экономике России. Объявленные в середине года решения относительно пенсионного законодательства, повышения налогов, планируемых инвестиционных интервенций государства в национальные проекты оказали негативное влияние на оценку населением своих перспектив в области доходов, а соответственно и планируемых расходов. Именно во второй половине 2018 г. показатель отношения населения к произошедшим изменениям в российской экономике стал самым низким за последние два года. Это является тревожным сигналом, и данные за первое полугодие 2019 г. должны показать, является ли снижение потребительской уверенности эпизодом или же может спровоцировать новый разворот потребительского поведения домохозяйств, что означало бы крушение надежд на реформирование модели экономического роста в части потребительского блока.

ДИНАМИКА И СТРУКТУРА РОЗНИЧНОЙ ТОРГОВЛИ

С 2017 г. началось восстановление динамики розничной торговли после катастрофического провала в 2015–2016 гг. (табл. 1, рис. 4), которому предшествовал уверенный рост в 2010–2014 гг. на фоне высокой нефтяной ренты и вызванного ею бума покупок товаров длительного пользования. При этом происходили некоторые структурные смещения, изменения соотношения в продажах продовольственных и непродовольственных товаров.

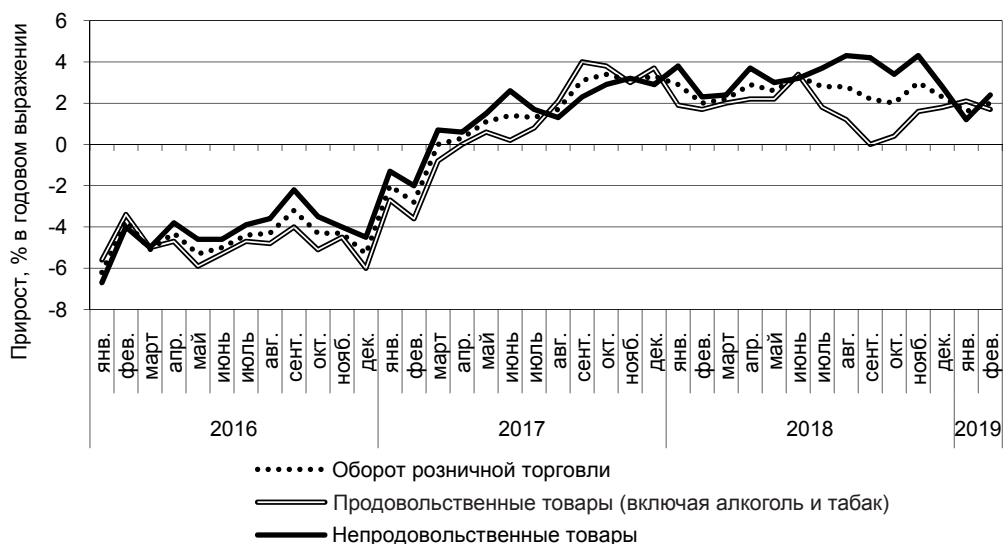

Рис. 4. Динамика розничных продаж продовольственных и непродовольственных товаров
Fig. 4. Retail sales of food and non-food goods

В 2013–2014 гг. доля продовольственных товаров (пищевые продукты, включая напитки и табачные изделия) в обороте розничной торговли упала до 47%, при этом выросла доля продаж непродовольственных товаров, достигшая пика к концу 2014 г., отражая бум покупок товаров длительного пользования. Этот бум стал средством защиты домохозяйств, предпочитавших в этот период товары деньгам в условиях резкой девальвации рубля в декабре 2014 г.

Однако уже с 2015 г. доля продуктов питания в обороте розничной торговли начала расти (рис. 5).

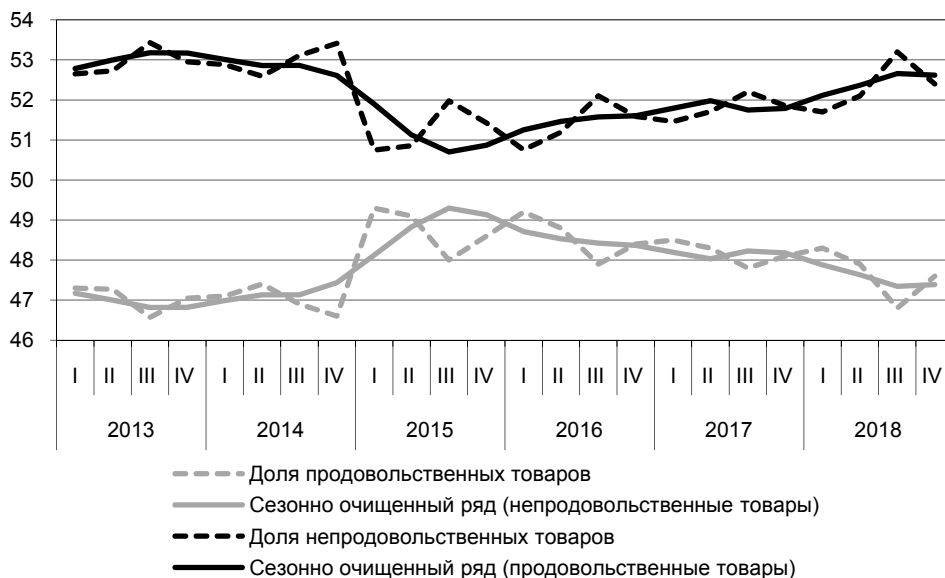

Рис. 5. Доля продовольственных и непродовольственных товаров в обороте розничной торговли, %

Fig. 5. Share of food and non-food goods in retail turnover, %

Нарастание отрицательных ожиданий домохозяйств в условиях снижения реальных доходов и отката потребителей к сберегательной модели поведения отражалось в отказе от наращивания спроса на товары длительного пользования и в целом на промышленные товары. За «бумом» покупок товаров длительного пользования («бегство от денег» в условиях резкой девальвации рубля) в декабре 2014 г. последовал сдвиг в структуре розничных продаж в пользу продовольственных товаров. В целом за 2015 г. удельный вес продовольственных товаров в суммарных розничных товарах составил 48,7%. Но с III квартала 2015 г. структура спроса домохозяйств начала возвращаться к «нормальной» ситуации, характерной для 2013–2014 гг., с преобладанием доли непродовольственных товаров

в структуре розничного товарооборота. В 2018 г. на продовольственные товары пришлось 47,6% розничных продаж, на непродовольственные товары – 52,4%. Структуру потребления 2017–2018 гг. можно условно считать «нормальной» в связи с относительной стабильностью макроэкономических условий, в отличие от 2010–2014 гг., когда наблюдалось сильное влияние нефтяной ренты.

Некоторый отход потребителей от «защитной» к затратной модели поведения обусловил также и увеличение спроса на услуги «питания вне дома», что привело к росту оборота в этой сфере на 3,2% в 2017 г. и 3,7% в 2018 г. (рис. 6).

Рис. 6. Оборот и динамика физического объема общественного питания, млрд руб., % в годовом выражении
Fig. 6. Turnover and dynamics of physical volume of public food consumption, billion rubles, % yearly

Это позволило уже в 2017 г. преодолеть спад в отрасли, который наблюдался в 2015–2016 гг., как раз из-за переключения потребителей на режим экономии, составной частью которого является и доля расходов на питание «вне дома» (Неравенство..., 2018), хотя без специальных опросов трудно выявить различия по уровню благосостояния посетителей заведений общественного питания (Личное..., 2017).

Правда, отчасти восстановление спроса на непродовольственные товары следует отнести на рост инфляционных ожиданий населения, которые опять начали расти начиная со II квартала 2018 г. в связи с ослаблением рубля

(Доклад..., 2018). На вторую половину 2018 г. пришлось и существенное ускорение продовольственной инфляции, что привело к падению спроса на рынках продовольственных товаров при стагнирующих доходах населения (Динамика..., 2019).

ДИНАМИКА ПРОДАЖ ПО ОТДЕЛЬНЫМ ТОВАРНЫМ ГРУППАМ

В 2018 г. увеличение объема розничной торговли продовольственными и непродовольственными товарами происходило темпами, совпадающими с ростом цен на эти товарные группы. Так, продажи продуктов питания, включая алкогольные напитки и табачные изделия, и цены на них выросли на 1,7% в годовом выражении, а увеличение объема продаж и рост цен на непродовольственные товары составили 3,4%. Это означает, что ценовое поведение продавцов определялось потребительским поведением покупателей – при прочих равных условиях продавцы старались повышать цены в пределах, диктуемых эластичностью спроса, чтобы сохранить объемы продаж. В противном случае, как об этом свидетельствует, например, сравнительная динамика цен и физического объема продаж по группе «табачные изделия» (табл. 2), чрезмерный рост цен мог привести к обрушению объема продаж. Такая иерархия поведения покупателей и продавцов свидетельствует о том, что в действительности (во всяком случае в области розничной торговли) кризис на потребительском рынке еще далеко не преодолен.

«Лидерство» покупателей подтверждается данными по товарной структуре розничного товарооборота. В целом эта структура остается стабильной во многом благодаря ориентации продавцов на эластичность спроса по ценам на отдельные товары. Стабильность структуры особенно заметна в сегменте продовольственных товаров. В 2018 г. незначительные колебания доли в совокупных продажах (порядка 0,1 п. п.) можно было заметить только в таких категориях, как «мясо и продукты из него», «сахар», «кондитерские изделия», «свежие овощи» и «молочные продукты» в связи с дефляцией, несколько опережающей рост продаж в натуральном выражении.

Значительный рост продаж в группе продовольственных товаров при снижении цены отмечен на: овощи и крупы, сахар, макаронные изделия, картофель (табл. 3). Заметное сокращение спроса наблюдалось в группе табачных изделий, цены на которые существенно выросли (9,7%). Умеренная инфляция позволила сохранить положительную динамику физического объема продаж на товары следующих категорий: сыры (2,3%), яйца (2,7%), кондитерские изделия (0,9%) и свежие фрукты (2,7%).

Таблица 2

**Прирост розничных продаж и потребительских цен
по отдельным видам и группам продовольственных товаров*,
январь – декабрь к предыдущему году, %, 2018 г.**

Table 2

**Increment of retail sales and consumer prices of kinds and groups of food goods*,
January – December to last year, %, 2018**

Вид и группа товаров	Индекс физического объема розничных продаж	ИПЦ (в среднем за год)
Все товары	2,6	2,9
Пищевые продукты, включая напитки, и табачные изделия	1,7	1,7
Мясо животных и домашней птицы (Мясо и птица)	1,2	1,7
Продукты из мяса и мяса птицы (Мясопродукты)	3,3	2,3
Рыба, ракообразные и моллюски (Рыба и морепродукты пищевые)	1,9	4,0
Животные масла и жиры	-1,3	н/д
Растительные масла	2,3	н/д
Молочные продукты (Молоко и молочная продукция)	2,3	2,9
молоко питьевое	2,5	1,9
сыры жирные (Сыр)	0,9	2,3
Яйца	0,2	2,7
Сахар	1,6	-5,4
Кондитерские изделия	2,9	0,9
Мука	-0,4	-2,0
Крупа (Крупа и бобовые)	6,0	-8,8
Макаронные изделия	3,4	-1,2
Хлеб и хлебобулочные изделия	-0,7	2,9
Свежий картофель	3,7	-0,4
Свежие овощи (Овощи)	8,9	-3,1
Свежие фрукты (Фрукты и цитрусовые)	3,1	2,7
Табачные изделия	-1,6	9,7

Примечание. * Названия видов и групп товаров в левом столбце приведены по классификации Росстата для статистики по розничным продажам. В случае их отсутствия в классификации Росстата для статистики по потребительским ценам в таблице использованы данные по ценам близких видов и групп товаров, названия которых приведены в скобках.

Гораздо существеннее колебания спроса на отдельные группы непродовольственных товаров. В целом прирост доли непродовольственных товаров в обороте розничной торговли в 2018 г. был обеспечен преимущественно легковыми автомобилями и дизельным топливом (+0,4 и +0,3 п. п. соответственно). Увеличились как продажи данных товарных категорий в натуральном выражении (+7,6 и +7,3% соответственно), так и цены на легковые автомобили и топливо (+3,8 и +13,7% соответственно). При этом сни-

зились доли продаж одежды, обуви, телевизоров, строительных материалов, ювелирных изделий, а также изделий, применяемых в медицинских целях, и ортопедических изделий (табл. 4).

Таблица 3

**Товарная структура оборота розничной торговли
продовольственными товарами (в текущих ценах), %**

Table 3

Retail turnover of food goods, by type (current prices), %

Группа товаров	2010	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Продовольственные товары, в т. ч.:	48,5	47,0	47,0	48,7	48,6	48,4	47,6
Мясо и продукты из него (без консервов)	7,6	7,3	7,4	7,7	7,6	7,8	7,7
Рыба и морепродукты	1,9	1,9	2,0	2,1	2,1	2,1	2,1
Животные и растительные масла, маргарин	1,5	1,5	1,4	1,5	1,6	1,5	1,4*
Молочные продукты, в т. ч.:	н/д	3,7	4,0	4,3	4,4	4,5	4,4
молоко питьевое	н/д	0,9	1,0	1,1	1,1	1,1	1,1
сыры жирные	1,0	1,0	1,2	1,2	1,2	1,2	1,2
Яйцо птицы	0,6	0,6	0,6	0,7	0,7	0,6	0,6
Сахар, мука, крупа	1,8	1,7	1,7	1,9	2,0	1,8	1,7
Кондитерские изделия	3,0	3,0	3,0	3,3	3,5	3,5	3,4
Хлеб, макаронны	2,8	2,7	2,7	2,9	2,9	2,9	2,8
Свежий картофель	0,5	0,5	0,5	0,5	0,4	0,5	0,5
Свежие овощи	1,6	1,4	1,4	1,6	1,5	1,6	1,5
Свежие фрукты	1,6	1,6	1,7	2,0	2,0	1,9	1,9
Алкогольные напитки и пиво	7,6	7,4	7,1	6,9	6,8	6,7	н/д
Табачные изделия	1,4	1,8	2,1	2,3	2,5	2,6	2,6

Примечание. * Без учета доли маргарина, в 2017 г. она составила 0,1%.

Снижение удельного веса этих товарных групп было обусловлено сравнительно низкими темпами прироста физического объема продаж, отстающими от среднего по всем товарам, за исключением телевизоров, уменьшение доли которых было обусловлено преимущественно дефляцией (табл. 5). Кроме автомобилей и автомобильного топлива значительный прирост розничных продаж отмечался в категориях: мобильные телефоны (+23,3%) и компьютеры (+11,4%). То есть росли продажи преимущественно в таких товарных категориях, которые в максимальной степени поддерживаются развитием кредитных продуктов для их приобретения. Еще одним важным фактором роста продаж для этих категорий товаров явилось завершение к 2018 г. жизненного цикла приобретенных в 2013–2014 гг. товаров длительного пользования. Именно в 2018 г. начался период их обновления, а так как в 2013–2014 гг. наблюдался пик продаж этих товаров, то спрос заметно увеличился.

Таблица 4

**Товарная структура оборота розничной торговли
непродовольственными товарами (в текущих ценах), %**

Table 4

Retail turnover of non-food goods, by type (current prices), %

Группа товаров	2010	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Непродовольственные товары, в т. ч.:	51,5	53,0	53,0	51,3	51,4	51,6	52,4
Одежда, ткани	8,3	7,8	7,3	6,7	6,5	5,9*	5,8*
Обувь	2,6	2,4	2,3	2,1	2,1	2,3	2,2
Косметика, мыло	1,8	1,9	1,9	2,1	2,2	2,2	2,3
Компьютеры, телефоны, телевизоры, бытовая техника	3,1	2,8	2,8	2,6	2,8	2,9	2,9
Легковые автомобили	5,0	6,1	6,0	5,0	5,0	5,7	6,1
Бензины автомобильные	5,8	6,6	6,3	6,4	6,5	6,3	6,4
Дизельное топливо	н/д	н/д	1,7	1,8	1,9	2,0	2,3
Мебель	1,7	1,6	1,6	1,6	1,5	1,4	1,4
Строительные материалы	1,9	2,0	2,0	2,0	1,9	2,0	1,9
Ювелирные изделия	0,7	0,8	0,8	0,8	0,8	0,8	0,7
Фармацевтические, медицинские и орто- педические товары	3,5	3,3	3,5	3,9	4,2	4,3	4,2
Книги, газеты и журналы	0,7	0,6	0,5	0,5	0,5	0,5	0,5

Примечание. * До 2016 г. в данную категорию включены ткани, верхняя одежда, одежда из меха, чулочно-носочные изделия; с 2017 г. – включает ткани, мужскую, женскую и детскую одежду, изделия из меха.

Таблица 5

**Прирост розничных продаж и потребительских цен
по отдельным видам и группам непродовольственных товаров*,
январь – декабрь к предыдущему году, %, 2018 г.**

Table 5

**Increase in retail sales and consumer prices for certain types and groups
of non-food products *, January – December to the previous year, %, 2018**

Вид и группа товаров	Индекс физического объема розничных продаж	ИПЦ (в среднем за год)
1	2	3
Все товары	2,6	2,9
Непродовольственные товары	3,4	3,4
Ткани	-10,4	2,3
Мужская, женская и детская одежда (Одежда)	1,6	2,4
Изделия из меха	-3,2	0,6
Обувь	1,0	2,8
Туалетное и хозяйственное мыло	-0,7	2,2/2,2
Косметические и парфюмерные товары, кроме мыла	7,3	2,7
Компьютеры (Персональные компьютеры)	11,4	-1,9

1	2	3
Мобильные телефоны (Телефонный аппарат сотовой связи)	23,3	-3,2
Аудиоаппаратура	4,1	н/д
Телевизоры (Телевизор цветного изображения)	4,1	-1,7
Холодильники и морозильники (Холодильники бытовые)	3,8	0,9
Стиральные машины	5,0	2,2
Автомобили легковые	7,6	3,8
Мебель	2,5	2,5
Строительные материалы	-1,7	4,2
Ювелирные изделия	2,3	0,2
Изделия, применяемые в медицинских целях, ортопедические изделия	-1,4	н/д
Лекарственные средства	7,3	н/д
Книги	0,2	н/д
Газеты и журналы	-3,4	н/д
Бензины автомобильные	-2,1	9,6
Дизельное топливо	7,3	13,7
Газовое моторное топливо	1,0	22,1

Примечание. * Названия видов и групп товаров в левом столбце приведены по классификации Росстата для статистики по розничным продажам. В случае их отсутствия в классификации Росстата для статистики по потребительским ценам в таблице использованы данные по ценам близких видов и групп товаров, названия которых приведены в круглых скобках.

В остальных товарных группах в целом подтверждается отмеченная выше зависимость прироста (снижения) физического объема продаж от прироста цен на них в сравнении со средними ценами по группе непродовольственных товаров, что особенно заметно по таким категориям: косметические и парфюмерные товары, кроме мыла (+7,3%), строительные материалы (-1,7%), автомобильные бензины (-2,1%).

Несмотря на подтверждаемое вышеприведенными данными некоторое изменение модели поведения потребителей, что обусловило оживление потребительского спроса в целом, и на товары длительного пользования в особенности, оснований для однозначного утверждения о том, что стагнация потребительского спроса завершилась, пока нет. Падение розничных продаж в 2015 г., особенно на фоне бума потребительского спроса на товары длительного пользования, который был спровоцирован валютным шоком конца 2014 г., было катастрофичным. В частности, физический объем продаж легковых автомобилей и компьютеров снизился в 2015 г. более чем на 25% по сравнению с 2014 г.¹, телевизоров – почти на треть (рис. 7).

¹ По индексу физического объема продаж легковых автомобилей по данным Росстата. По данным Автостата, снижение составило почти 40% – с 8,3 млн шт. до 5,2 млн шт.

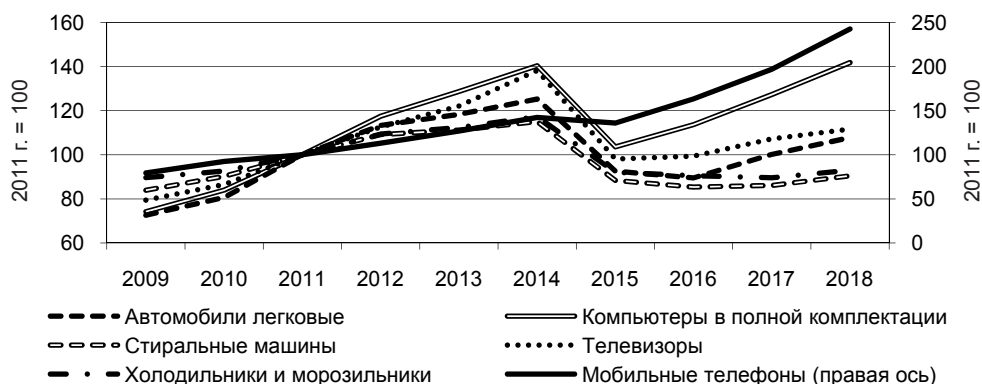

Рис. 7. Динамика физического объема продаж отдельных товаров длительного пользования, 2009–2018 гг., 2011 = 100

Fig. 7. Dynamics of the physical sales of individual durable goods, 2009–2018, 2011 = 100

В 2018 г. несколько превысили уровень 2013 г. (сравнение с 2014 г. очень корректно из-за пиковых значений конца года, которые были обусловлены паникой на рынке) продажи только двух товарных групп: компьютеры в полной комплектации и мобильные телефоны. В остальных сегментах рынка по-прежнему отставание объема продаж существенно. В частности, физические объемы продаж холодильников и стиральных машин остаются на 7–10% ниже уровня 2011 г., поскольку спрос на эти товары во многом связан с динамикой ввода жилья, которая была отрицательной в 2016–2018 гг.

В целом следует отметить, что на потребительском рынке в 2018 г. продолжали действовать тенденции, сложившиеся еще в 2017 г., когда, несмотря на продолжающееся снижение реальных располагаемых доходов населения, произошло увеличение объемов розничной торговли в связи с усталостью потребителей от сберегательной модели поведения. Эта усталость сама по себе не смогла бы привести к росту потребительских расходов в условиях продолжавшегося снижения реальных доходов населения. Но она послужила причиной использования возможностей, которые домохозяйствам предоставили смягчение условий потребительского кредитования (снижение ключевой ставки Центробанка), а также позитивные новости об укреплении курса рубля и снижении темпов инфляции. Уставшие от откладывания потребительских расходов под давлением негативных ожиданий домохозяйства начали осторожно увеличивать спрос на потребительские товары, используя сбережения и кредиты банков (см., например, Минакир, 2018, с. 9). В 2018 г. оснований для обратного разворота потребительских настроений домохозяйств не появилось вплоть до середины года, однако накопленный в

первом полугодии темп роста потребительского спроса оказался достаточен для положительных результатов по итогам года.

Вместе с тем приведенные выше данные об изменении ситуации в области потребительского спроса во втором полугодии свидетельствуют об отсутствии до настоящего времени фундаментальных причин, которые могли бы гарантировать необратимость изменения потребительской модели поведения домохозяйств и, следовательно, восстановление модели экономического роста, базирующейся на генерировании внутреннего потребительского спроса. Основной проблемой, конечно, остается стагнация реальных доходов населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Григорьев Л.М., Салмина А.А. Потребительское поведение и социально-экономическое положение домохозяйств в условиях кризиса // Российские регионы. М.: ТЕИС, 2011. С. 206–231.
- Динамика доходов населения // Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики. 2019. Выпуск № 46. Февраль / Аналитический центр при Правительстве РФ. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/20946.pdf> (дата обращения: март 2019).
- Динамика потребительских цен: итоги 2018 года // Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики. 2019. Выпуск № 45. Январь / Аналитический центр при Правительстве РФ. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/20469.pdf> (дата обращения: март 2019).
- Доклад о денежно-кредитной политике // Информационно-аналитический сборник Банка России. 2018. № 4. Декабрь. URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/14169/2018_04_ddcp.pdf (дата обращения: март 2019).
- Личное потребление товаров // Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики. 2017. Выпуск № 23. Март / Аналитический центр при Правительстве РФ. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/12475.pdf> (дата обращения: март 2019).
- Минакир П.А. Российский кризис: ожидания против фактов // Пространственная экономика. 2018. № 1. С. 7–15. DOI: 10.14530/se.2018.1.007-015.
- Неравенство в потреблении домашних хозяйств // Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики. 2018. Выпуск № 44. Декабрь / Аналитический центр при Правительстве РФ. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/20223.pdf> (дата обращения: март 2019).
- О развитии банковского сектора в Российской Федерации // Информационно-аналитический материал Банка России. 2018. Декабрь. URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/14236/razv_bs_18.pdf (дата обращения: март 2019).
- Особенности оживления розничной торговли // Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики. 2018. Выпуск № 35. Март / Аналитический центр при Правительстве РФ. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/16477.pdf> (дата обращения: март 2019).
- Российская экономика в 2018 году. Тенденции и перспективы (Выпуск 40). М.: Изд-во Института Гайдара, 2019. 656 с. URL: <https://www.iep.ru/files/text/trends/2018/2018.pdf> (дата обращения: май 2019).

REFERENCES

- Consumer Price Dynamics: 2018 Results. *Bulletin on Current Trends in Russian Economy*, 2019, no. 45, January. Analytical Center for the Government of the Russian Federation. Available at: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/20469.pdf> (accessed March 2019). (In Russian).
- Grigoryev L.M., Salmina A.A. Consumer Behavior and Socio-Economic Situation of Households in Crisis. *Russian Regions*. Moscow, 2011, pp. 206–231. (In Russian).
- How Retail is Coming Back to Life. *Bulletin on Current Trends in Russian Economy*, 2018, no. 35, March. Analytical Center for the Government of the Russian Federation. Available at: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/16477.pdf> (accessed March 2019). (In Russian).
- Inequality in Household Consumption. *Bulletin on Current Trends in Russian Economy*, 2018, no. 44, December. Analytical Center for the Government of the Russian Federation. Available at: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/20223.pdf> (accessed March 2019). (In Russian).
- Minakir P.A. Russian Crisis: Expectations Against Facts. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, 2018, no. 1, pp. 7–15. DOI: 10.14530/se.2018.1.007-015. (In Russian).
- Monetary Policy Report. *Information-Analytical Materials of the Bank of Russia*, 2018, no. 4, December. Available at: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/14169/2018_04_ddcp.pdf (accessed March 2019). (In Russian).
- On the Development of the Banking Sector in the Russian Federation. *Information-Analytical Materials of the Bank of Russia*, 2018, December. Available at: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/14236/razv_bs_18.pdf (accessed March 2019). (In Russian).
- Personal Consumption of Goods. *Bulletin on Current Trends in Russian Economy*, 2017, no. 23, March. Analytical Center for the Government of the Russian Federation. Available at: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/12475.pdf> (accessed March 2019). (In Russian).
- Russian Economy in 2018. Trends and Outlooks. (Issue 40)*. Edited by A.L. Kudrin, S.G. Sinelnikova-Muryleva. Moscow: Gaidar Institute for Economic Policy, 2019, 656 p. Available at: <https://www.iep.ru/files/text/trends/2018/2018.pdf> (accessed March 2019). (In Russian).
- Trends in Household Income. *Bulletin on Current Trends in Russian Economy*, 2019, no. 46, February. Analytical Center for the Government of the Russian Federation. Available at: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/20946.pdf> (accessed March 2019). (In Russian).

Поступила в редакцию 21 мая 2019 г.